

12+

Татьяна Фадеева

**Как превратить
дом, офис и парк
в произведение искусства**

Культурные коды: Эстетика повседневности

Татьяна Фадеева

**Как превратить дом, офис
и парк в произведение
искусства. Культурные коды:
Эстетика повседневности**

*<https://litres.ru/74544417>
ISBN 9785007136815*

Аннотация

Мы привыкли искать красоту в музеях, галереях и на экранах. Но настоящее искусство — там, где мы проводим большую часть жизни: на кухне за утренним чаем, в офисе за рабочим столом, в парке на скамейке.

Книга для тех, кто устал от автоматизма и хочет снова чувствовать красоту в каждом дне.

Книга-приглашение остановиться и заметить.

Содержание

Вместо предисловия: от автора	6
Введение. Как получилось, что мы разучились видеть красоту в повседневности	10
Странность нашего времени	10
Исторический сбой: момент, когда искусство отделилось от жизни	13
Реакция на музеи	18
Джон Дьюи: философия, которая всё меняет	21
Что дала нам эта революция? (и чего не дала)	24
Что вас ждёт на страницах этой книги	26
Маленький итог этого долгого разговора	28
Глава 1. Переоткрытие прекрасного: почему музей устарел, а чашка имеет значение	30
Признание в лукавстве	30
Случай из жизни одного философа-бунтаря	32
Разница между «фоном» и «событием» (и почему мы лишаем себя музыки)	34
Разбор полётов: чай, как драматургия (и это не про дорогую посуду)	35
Главное возражение (его мы услышим обязательно)	37
Ещё одно возражение (более тонкое, для снобов)	38

Послесловие (вместо прощания)	40
Резюме для тех, кто делает заметки на полях	41
Глава 2. Пять принципов Джона Дьюи в деле: от заваривания чая до презентации в офисе	42
Куда исчезает «знаю»	42
Принцип первый. Органическое единство: когда всё ладно	44
Принцип второй. Кульминация: точка, ради которой всё	46
Принцип третий. Напряжение и разрешение: где прячется радость	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

**Как превратить
дом, офис и парк в
произведение искусства
Культурные коды:
Эстетика повседневности**

Татьяна Фадеева

© Татьяна Фадеева, 2026

ISBN 978-5-0071-3681-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия: от автора

Дорогой читатель,

ты держишь в руках книгу, которую я писала не для того, чтобы научить тебя чему-то новому. Странное начало для книги, правда? Но это правда. Я писала её, чтобы напомнить тебе о том, что ты уже знаешь. Что ты всегда знал. Просто забыл, закрутившись в бесконечном потоке дел, уведомлений, списков, обязательств, сроков и бесконечного «надо».

Я не буду учить тебя разбираться в искусстве. Не буду объяснять, чем отличается барокко от рококо и почему Моне гениален, а Мане — нет. Я не буду давать тебе список фильмов, которые нужно посмотреть, или книг, которые нужно прочитать, чтобы считаться образованным человеком. Всё это есть в других книгах, и они прекрасны.

Эта книга — о другом.

Она о том, как вернуть себе право на красоту. Прямо сейчас. Без билета, без разрешения, без специального настроения. О том, что искусство — это не то, что висит на стене в музее. Это то, что происходит между тобой и чашкой чая утром. Между тобой и деревом, мимо которого ты проходишь каждый день. Между тобой и светом, который падает

на подоконник.

Я пишу эту книгу в тот момент своей жизни, когда я наконец поняла одну простую вещь, которую раньше знала только умом, но не чувствовала телом. Красота не требует жертв. Она не требует времени, которого у тебя нет. Она не требует денег, которых всегда не хватает. Она требует только одного: твоего внимания. Твоего присутствия. Твоего «я здесь».

Я пишу эту книгу для тебя, потому что знаю: ты устал. Ты устал от бесконечных «надо», от чувства, что жизнь проходит мимо, что ты живёшь на бегу, что красота — это роскошь, которую ты не можешь себе позволить. Я была там. Я знаю это чувство. Оно знакомо каждому, кто пытается удерживать равновесие в этом безумном мире.

Но я также знаю другое. Я знаю, что можно остановиться. Не для того, чтобы всё бросить и уехать в деревню. А для того, чтобы просто заметить. Заметить, как пар поднимается над чашкой. Как свет падает на стол. Как пахнет утро. Как ты дышишь.

Я не обещаю, что эта книга изменит твою жизнь. Я не знаю, изменит ли она её. Но я очень надеюсь, что она изменит твой взгляд. Что ты перестанешь проходить мимо красоты, думая, что она не для тебя. Что ты увидишь её там, где

никогда не искал. Что ты почувствуешь её в том, что делаешь каждый день.

Я хочу, чтобы после прочтения этой книги ты смог сказать себе: «Я имею право на красоту. Я имею право на то, чтобы моя жизнь была не просто чередой дел, а чем-то большим. Я имею право быть здесь и сейчас, а не вечно в завтра, которого нет».

Ты имеешь право на красоту. Это не привилегия. Это твоя природа.

Эта книга — приглашение. Не в музей и не в галерею. А в твою собственную жизнь. В твою кухню, где ты завариваешь чай. В твой офис, где ты проводишь часы. В твой маршрут, по которому ты ходишь каждый день. В твой парк, где ты иногда сидишь на скамейке и смотришь на небо.

Я буду рада, если ты примешь это приглашение. Если ты захочешь прогуляться со мной по этим страницам, останавливаясь у каждого абзаца, как останавливаются у красивого дерева. Если ты захочешь попробовать те маленькие практики, которые я предлагаю. Если ты позволишь себе хотя бы на мгновение остановить бег и почувствовать красоту того, что уже есть.

А если нет — тоже хорошо. Книга никуда не убежит. Она подождёт, пока ты будешь готов. Потому что красота, как и внимание, не терпит насилия. Она приходит только тогда, когда ты открыт. Когда ты готов её принять.

Итак, давай начнём. Медленно. С вниманием. С чашкой чая, которую ты держишь в руках. С окном, которое ты откроешь, чтобы впустить утро. С деревом, которое ты заметишь, проходя мимо.

Я здесь. Ты здесь. Красота уже здесь. Осталось только её заметить.

Твой автор

Введение. Как получилось, что мы разучились видеть красоту в повседневности

Странность нашего времени

Давайте начнём с наблюдения. Простого, почти очевидного, но от этого не менее странного. Оно похоже на парадокс, который мы перестали замечать, потому что привыкли к нему, как к шуму за окном.

Мы живём в самое красивое время в истории человечества. Никогда раньше у людей не было доступа к такому количеству искусства. Музеи открыты, и в них можно зайти практически в любой день. Картины оцифрованы, и вы можете рассматривать мазки Ван Гога на экране своего телефона, увеличивая до бесконечности. Музыка льётся из колонок круглосуточно — симфонии, джаз, опера, этника, всё, что душе угодно. Дизайнерская мебель, архитектурные шедевры, фильмы с невероятной операторской работой — всё это доступно нам, обычным людям, часто бесплатно или за вполне разумные деньги, которых хватает на подписку.

И одновременно мы живём в самое неэстетичное время, какое только знала цивилизация. Мы не замечаем, как завариваем чай — просто бросаем пакетик, заливаем кипятком, и уже через минуту не помним, пили ли мы его вообще. Мы не видим дерева за окном — оно слилось с общим фоном, стало частью декораций, которые не требуют внимания. Мы не чувствуем фактуры ткани, когда надеваем свитер — рука движется автоматически, а мысль уже на полпути к офису. Мы проходим мимо красоты, потому что торопимся. Или потому, что красота, как нам кажется, находится где-то в другом месте — в музее, в галерее, на экране, в соцсети, на обложке журнала, но точно не здесь, не в нашей обычной, скучной, повторяющейся жизни.

Как это получилось?

Почему мы разучились видеть красоту в том, что делаем каждый день? Почему нам кажется, что искусство — это что-то сложное, дорогое, требующее специального образования, особого настроения и свободного времени, которого у нас нет? Почему мы, живя в окружении бесконечного визуального шума, чувствуем себя эстетически пустыми?

Сегодня, перед тем как мы начнём наш основной разговор — о доме, об офисе, о парке, о пяти принципах и четырёх протоколах, — я хочу сделать шаг назад. Посмотреть на

нашу ситуацию с высоты культурологии, истории и философии. Потому что, чтобы лечить болезнь, нужно понять, как она началась.

Исторический сбой: момент, когда искусство отделилось от жизни

Долгое время — тысячи лет — у людей не было вопроса «где искать красоту». Красота была везде. В том, как сделана глиняная миска — её форма повторяла форму ладони, и в ней было что-то тёплое, почти живое. В том, как вышит воротник рубахи — узор, который передавался из поколения в поколение, как тайный язык семьи. В том, как пахарь идёт за плугом, подчиняясь ритму земли, — в этом движении было столько же красоты, сколько в танце. В том, как поют в поле, когда собирают урожай. В том, как накрывают стол для ужина — каждая вещь на своём месте, каждая ложка отполирована до блеска.

Не было отдельного слова «искусство» в нашем сегодняшнем смысле. Не было музеев, где хранятся «предметы искусства», недоступные для простого прикосновения. Не было профессии «художник» в том смысле, в каком мы её знаем сегодня — как гения, стоящего над толпой. Были ремесленники, которые делали красивые полезные вещи — и это было единым действием, без разрыва на «полезное» и «прекрасное». Были мастера, которые украшали храмы — и это было служением, а не самовыражением. Были певцы, которые рассказывали истории под звуки арфы — и это было памя-

тью, а не развлечением.

Искусство было встроено в жизнь. Оно не требовало специального похода в специальное место. Оно не требовало билета. Оно не требовало объяснений. Оно было таким же естественным, как дыхание, как смена дня и ночи, как смена времён года.

А потом случился сбой. Тихо, почти незаметно, но необратимо.

Произошёл он примерно в XVIII—XIX веках, хотя корни уходят глубже, в Ренессанс, когда художник впервые стал личностью, а не просто ремесленником. Называется этот процесс по-разному: эмансипация искусства, автономизация эстетического, «музейная революция». Но суть одна.

Искусство перестало быть ремеслом и стало священной территорией.

Художник перестал быть мастером, который делает красивую мебель или расписывает стены храма. Он стал гением, который создаёт «произведения искусства» — уникальные, неповторимые, понятные только посвящённым, стоящие огромных денег. Картины повесили в рамы, вынесли из храмов и дворцов в специальные здания — музеи и галереи.

Возле них поставили охранников, чтобы никто не прикоснулся. Повесили табличку «не трогать». Ввели билеты. Искусство стало отдельной сферой жизни, существующей по своим собственным, непонятным простому смертному законам. Иметь с ним дело могли только профессионалы. Обычный человек мог только смотреть, молчать и мучительно желать понять — что же здесь великого, почему все говорят, что это шедевр, а я ничего не чувствую?

Иммануил Кант, великий философ эпохи Просвещения, чьи работы до сих пор изучают на философских факультетах, закрепил этот разрыв в теории. Кант учил, что эстетическое суждение должно быть «незаинтересованным». То есть, когда вы смотрите на произведение искусства, вы не должны думать о том, полезно оно или нет, нравится ли оно вам лично, можно ли его использовать в быту. Вы должны созерцать его чисто, бескорыстно, с точки зрения вечности, как будто вы — не человек, а чистый разум.

Это была возвышенная, прекрасная идея. Она породила великое искусствоведение, великую критику, великие музеи. Но у неё оказалось ужасающее, разрушительное последствие для обычной жизни.

Если эстетическое суждение должно быть незаинтересованным, если оно требует отрешения от всего личного, быто-

вого, практического, значит, обычная жизнь — где всё всегда связано с пользой, с интересом, с желаниями, с едой, сном и работой — оказывается неэстетичной по определению. Ей в искусстве нет места. Красота ушла в заповедник, в музей, в концертный зал, в закрытый клуб для избранных, где нужно знать код, чтобы войти.

А за стенами этого заповедника осталась серая, безрадостная, пустая реальность. Заводы, где люди работают в три смены. Конторы, где люди сидят за одинаковыми столами. Кухни, где люди готовят еду, чтобы просто поесть. Спальни, где люди спят, чтобы набраться сил для новой работы. Дороги, по которым люди едут, чтобы успеть. Там, по Канту, искусству не место. Там только функция, только выживание, только необходимость.

Мы, сами того не зная, до сих пор живём с этой установкой. Она стала частью нашего воздуха, нашего языка, нашего молчаливого согласия. «Искусство — это что-то другое. Это не про мою жизнь. Это для тех, у кого есть время, деньги и образование. А у меня — работа, дети, ипотека, счётчики, налоги. Мне не до искусства».

И мы живём так годами, десятилетиями, отсекая от себя целый слой жизни, который мог бы быть нашим. И удивляемся, почему чувствуем себя такими уставшими, такими пу-

стами, такими обесточенными.

Реакция на музеи

Хорошая новость в том, что люди всегда чувствовали неправоту этого разрыва. И пробовали его преодолеть. Революция за революцией, манифест за манифестом, попытка за попыткой.

В начале XX века художники, писатели, философы приняли несколько мощных, почти отчаянных попыток вернуть искусство в жизнь, вытащить его из музея, из галереи, из закрытого клуба.

Футуристы кричали: «Долой музеи! Долой библиотеки! Искусство — это скорость, завод, уличный шум, движение, моторы, электричество, свет!» Они были грубыми, эпатажными, иногда неприятными, но их пафос был безупречно правильным: красота не в пыльных залах, не в прошлом, не в тишине — а там, где происходит жизнь, где бьёт пульс, где дышит город.

Дадаисты и сюрреалисты подходили с другой стороны. Они говорили: если искусство стало слишком серьёзным и важным, если оно превратилось в религию со своими жрецами и таинствами, давайте сделаем его абсурдным. Давайте объявим искусством писсуар. Да, был такой знаменитый,

навсегда изменивший историю искусства поступок Марселя Дюшана — он выставил в галерее обычный фаянсовый писсуар, перевернул его и подписал «Фонтан». Ирония дадаистов была горькой, почти отчаянной: они показывали, что грань между «высоким искусством» и «обычной вещью» — это условность, это игра, это конвенция, которую мы сами придумали и сами поддерживаем. Что искусство не в объекте, а в том, как мы на него смотрим.

Баухаус — легендарная немецкая архитектурная и художественно-промышленная школа, существовавшая с 1919 по 1933 год — пошла третьим путём, самым практичным и самым долговечным. Её мастера говорили: давайте не будем разделять искусство и ремесло. Давайте делать красивые вещи, которыми люди будут пользоваться каждый день. Стул, на котором удобно и приятно сидеть. Лампу, которая даёт тёплый, живой свет. Чашку, которую приятно держать в руках. Дом, в котором хочется жить. Это и есть настоящее искусство — не то, что висит на стене в золотой раме и требует охраны, а то, что окружает вас и работает на вашу жизнь, делая её лучше, теплее, человечнее.

Все эти движения были важны. Они изменили мир дизайна, архитектуры, искусства. Но они не смогли полностью преодолеть разрыв в массовом сознании. Музей остался музеем. Галерея — галереей. А обычный человек по-прежнему

думает, глядя на свои руки, на свою кухню, на свой стол: «Я не художник, я не дизайнер, я просто живу. Я не имею отношения к красоте. Она не для меня».

Джон Дьюи: философия, которая всё меняет

И вот появляется Джон Дьюи. Американский философ, прагматист, человек, который серьёзно интересовался педагогикой и считал, что философия должна быть полезна, что она должна отвечать на реальные вопросы реальных людей, а не только развлекать академическое сообщество. В 1934 году, в разгар Великой депрессии, когда мир рушился и перестраивался, он издаёт книгу «Искусство как опыт». Название говорит само за себя. Дьюи предлагает перевернуть привычную картину, как переворачивают стол, чтобы посмотреть, как он устроен снизу.

Искусство — это не вещь. Это не картина, не симфония, не статуя, не здание. Искусство — это *качество переживания*. Это то, что происходит с вами, когда вы полностью вовлечены в действие. Когда вы забываете о времени, перестаёте смотреть на часы, перестаёте думать о том, что будет через час. Когда вы чувствуете, что это действие имеет начало, середину и конец. Когда оно завершено и оставляет в вас след, как оставляет след камень, брошенный в воду.

Это качество переживания может возникнуть где угодно. За картиной в музее — да, может, и это прекрасно. Но и за

завариванием чая — тоже может, и это не менее прекрасно. И за разговором с другом, когда слова ложатся в ритм дыхания. И за прогулкой по парку, когда вы замечаете каждое дерево. И за раскладыванием вещей в шкафу, когда каждая вещь находит своё место и вы чувствуете удовлетворение, как от законченного стихотворения.

Дьюи не отменяет музей. Он не говорит, что искусство — это всё и вся, что больше не нужно учиться и практиковаться. Он говорит другое, гораздо более важное: граница между искусством и жизнью не там, где мы привыкли её проводить. Эта граница проходит не между музеем и кухней. Она проходит между автоматизмом и вниманием. Когда вы делаете что-то механически, не присутствуя в моменте, не чувствуя, не завершая — это не искусство. Даже если вы смотрите на «Мону Лизу» в Лувре, стоя в очереди и думая о том, куда пойти обедать. Потому что вы не переживаете опыт, вы просто отбываете номер, ставите галочку в списке «обязательно посмотреть».

Когда вы делаете что-то с полным вниманием, с ритмом, с кульминацией, с чувством завершенности — это искусство. Даже если вы просто завариваете чай в одиночестве в своей маленькой кухне, в своей маленькой жизни, в своём обычном дне.

Дьюи совершает демократическую революцию в эстетике. Он возвращает красоту обычному человеку. Он говорит: вам не нужно специального образования. Вам не нужно понимать теорию цвета и перспективы. Вам не нужно разбираться в стилях и направлениях. Вам нужно только одно — ваше присутствие. Ваше «я здесь». Ваше «я вижу». Ваше «я чувствую». Красота — не там, где дорого. Красота — там, где есть внимание.

Что дала нам эта революция? (и чего не дала)

Книга Джона Дьюи вышла почти сто лет назад. Она повлияла на дизайн, на архитектуру, на педагогику, на терапию искусством, на то, как мы понимаем творчество. Её читают до сих пор. Она стала классикой. Но в массовое сознание, в повседневную жизнь обычного человека она так и не проникла. Почему?

Потому что мы продолжаем жить в мире, который построен на скорости, на эффективности, на производительности, на автоматизме. Нас не учат вниманию в школе. Нас учат достижениям, результатам, оценкам, баллам. Утром вы торопитесь на работу — поезд, пробки, дети, завтрак на бегу. Вы не можете позволить себе медленно заварить чай — вы опаздываете, и каждое лишнее движение отдаляет вас от первой встречи. В офисе вы решаете задачи, переключаетесь между проектами, отвечаете на письма, участвуете в совещаниях — вы не можете позволить себе пятиминутную эстетическую паузу, вас завалят делом, коллеги подумают, что вы отлыниваете. Вечером вы падаете на диван и листаете ленту соцсетей — у вас нет сил на искусство, нет сил даже на то, чтобы посмотреть в окно. Автоматизм победил. И не потому, что мы плохие, ленивые или невнимательные. А потому, что мир

вокруг нас устроен так, чтобы выжимать из нас внимание, как выжимают сок из апельсина, до последней капли.

Наша книга — это тихое возвращение красоты обратно в вашу жизнь. Мягкий, незаметный жест внимания к самому себе в мире, который постоянно требует от вас внимания к другим вещам. Мы не будем призывать вас бросить работу, уехать в деревню и целыми днями созерцать закаты, питаясь кореньями. Мы будем учиться видеть красоту здесь, в тех самых условиях, в которых вы живёте. В маленькой квартире с серыми стенами и старым ремонтом. В офисе с пластиковой мебелью и шумной вентиляцией. На пути с работы, где нет ничего, кроме скучных зданий и вечно спешащих людей. Потому что Джон Дьюи прав: искусство — это не место, куда нужно идти. Это способ быть там, где вы уже есть. Потому что настоящая красота — это событие вашего внимания. И событие это может произойти где угодно.

Что вас ждёт на страницах этой книги

Мы пройдем по трём пространствам. Каждое из них — поле для эстетического опыта. Каждое из них — место, где можно практиковать искусство.

Дом. Как превратить свою квартиру из склада и спальни, из места, где вы просто отбываете рутину, в сцену, на которой разыгрывается ваша жизнь. Эстетика пустоты, ритм интерьера, правило вытянутой руки, слепые зоны, которые незаметно крадут ваше внимание.

Офис. Самое негостеприимное пространство для эстетики. Мы научимся незаметной, партизанской красоте — маленьким жестам, которые не замечает начальник, но которые меняют ваше самочувствие и вашу продуктивность. Органическое единство канцелярии. Пять минут эстетической перезагрузки в течение дня. Одна совершенная вещь на столе. Искусство коммуникации — как форма становится содержанием.

Парк. Место, где у искусства нет стен, нет билета и нет охраны. Мы научимся читать парк как текст — геометрический слой, событийный, сезонный, шумовой. И главное —

мы научимся быть соавторами парка, дорисовывать его своим присутствием, становиться частью этого открытого, незавершённого произведения.

А в финале мы соберём чемодан эстетических протоколов. Четыре практических инструмента, которые работают без вдохновения, без денег, без специального времени. Утренний старт — десять минут, которые задают тон всему дню. Правило одного пятна — профилактика эстетической усталости за десять секунд. Эстетическая инвентаризация — глубокое очищение пространства и сознания. Карта маршрута как партитура — превращение скучной дороги в музыкальное произведение.

Всё это будет практично. Инструментально. С примерами, с историями, с домашними заданиями, которые вы можете выполнить прямо сейчас. Но основа всего — философия Джона Дьюи. Которую мы сегодня только начали понимать, но которая станет нашим компасом на всём пути.

Маленький итог этого долгого разговора

Вот что я хочу, чтобы вы вынесли из сегодняшнего вступления. То, что останется с вами, даже если вы забудете все имена и даты.

Та идея, что красота — это не для вас, что она где-то в другом месте, что для неё нужно специальное время, специальное место, специальное настроение, деньги, образование, — эта идея не врождённая. Она не истина, не закон природы. Она историческая. Её придумали люди в определённый момент истории. Её можно распаковать, рассмотреть, понять, как она работает, и отложить в сторону, как старую, ненужную одежду, которая больше не греет.

Настоящая красота — там, где вы есть. Потому что настоящая красота — это событие вашего внимания. Ваша кухня, ваш офисный стол, скамейка в парке, подоконник, за которым вы пьёте утренний кофе, — вот новые музеи. Они не хуже старых. Они просто другие. И билет туда стоит только одного — вашего присутствия. Вашего согласия быть здесь, сейчас, в этом моменте, с этой чашкой, с этим деревом, с этим светом.

Джон Дьюи сказал это почти сто лет назад. С тех пор ничего не изменилось. Мир стал быстрее, громче, ярче — но суть осталась той же. Мы просто забыли. Забыли, что красота не требует билета. Что она не ждёт нас в музее, когда у нас будет свободный день. Что она уже здесь, она дышит вместе с нами.

Давайте вспоминать вместе.

В следующей главе мы начнём с дома. Самого близкого, самого родного, самого непростого пространства. Возьмите с собой чашку чая. И — главное — внимание. Оно нам очень пригодится.

Глава 1. Переоткрытие прекрасного: почему музей устарел, а чашка имеет значение

Признание в лукавстве

Давайте честно. Это будет единственная глава, где я позволю себе немного лукавить, чтобы потом разом сбросить маску.

Когда вы слышите слово «искусство», что возникает в голове? Скорее всего, картинная галерея. Белые стены, пахнущие краской и тишиной. Охрана, которая следит за вашей сумкой строже, чем таможенник в аэропорту. Табличка с длинным названием и датами, между которыми пролегла вечность. Или концертный зал, где кашель приравнивается к государственной измене. Или, на худой конец, дорогая вещь в витрине, на которой жирным шрифтом написано: «Не трогать!»

И сразу за этим — как тень — подкрадывается тихое, почти стыдливое чувство: *«Я в этом ничего не понимаю»*. *«Это не для меня»*. *«Красота — это сложно, дорого и вообще*

требует специального образования».

Так вот, пока я не передумала, скажу вам одну вещь, которая сначала покажется кощунственной, а потом — невероятно освобождающей. Музей как единственное легитимное место для искусства действительно устарел. Не потому, что музеи плохие. Боже упаси. Они прекрасны, как алмазные копи, где хранятся сокровища. Но мы, слушая гида, не заметили, как поверили в странную, удушающую идею: будто красота живёт отдельно от нашей жизни, за стеклом, по ту сторону красной ленточки.

А она не живёт.

Она дышит там, где вы завариваете утренний чай, ещё не проснувшись до конца. Где вы машинально раскладываете носки в шкафу по цветам (или, наоборот, комкаете их в шар, чтобы сэкономить место). Где вы на секунду замираете у окна перед тем, как захлопнуть дверь и впустить в себя шум большого города. Искусство — это не привилегия. Это дыхание. И сегодня я хочу не научить вас «понимать искусство» в академическом смысле. Я хочу вернуть вам то, что у вас уже есть — ваше собственное право на красоту без билета и без разрешения.

Случай из жизни одного философа-бунтаря

В 1930-х годах в Америке жил мыслитель по имени Джон Дьюи. Он был редкостным занудой для академических кругов, потому что отказался играть в их игру. Пока его коллеги писали трактаты о «возвышенном» и «вечном», Дьюи смотрел на детей, строящих замки из кубиков, на фермеров, пашащих землю, на женщин, замешивающих тесто для хлеба. И задал себе дерзкий вопрос:

«А почему, собственно, мы решили, что искусство — это только картины и статуи? Почему хороший ужин или содержательный разговор с другом — не искусство?»

Он написал книгу «Искусство как опыт». И если вынести из неё самое главное, как вынимают косточку из вишни, останется всего одна мысль. Очень простая и очень объёмная, как Вселенная.

Искусство — это не вещь. Это *качество переживания*.

Понимаете? Когда вы смотрите на «Мону Лизу» в Лувре — это ещё не искусство. Это просто оптика, работа сетчатки. Искусство наступает в тот момент, когда вы вступаете в

диалог. Когда картина вас цепляет за живое. Когда вы забываете про время, про уставшие ноги и про то, что пора обедать. Когда вы выходите из зала немного другим, чем вошли. Дьюи назвал это состояние волшебным словосочетанием — «*an experience*» (полный опыт). И тут же добавил соль на рану: то же самое может случиться не только с Джокондой, но и с чашкой чая, и с заправленной кроватью, и с завязанным галстуком.

Он провёл черту там, где её никто не проводил. Есть *пустое* переживание — когда мы что-то делаем механически, «отбываем номер», как солдат на плацу. И есть *событийное* переживание — когда у действия появляются начало, кульминация и достойный финал.

Разница между «фоном» и «событием» (и почему мы лишаем себя музыки)

Пустое переживание — это как почистить зубы, не заметив вкуса пасты. Как налить чай, отпить и через минуту не вспомнить, пили вы или нет. У такого опыта нет формы. Он расползается серой, вязкой массой, занимая место в жизни, но не оставляя следа.

Полный опыт — это когда у действия есть ритм, напряжение и разрешение. Когда вы чувствуете границы: «вот сейчас я начал», «вот здесь — самый важный момент», «а теперь — всё, точка, хорошо». Самый простой пример — музыка. Вы никогда не скажете «я послушал музыку», если радио играло фоном три часа. Вы скажете это про ту песню, которая вас *забрала*. У которой был куплет, припев, мостик и последний замирающий аккорд.

Так вот, Дьюи утверждает: любое действие может стать такой музыкой. Любое. Даже чистка картошки. Даже дорога на работу. Вопрос лишь в том, есть ли у вас смелость сыграть эту мелодию, а не просто включить радио.

Разбор полётов: чай, как драматургия (и это не про дорогую посуду)

Давайте разберём процесс, знакомый каждому. Процесс, который мы превратили в топливо, а могли бы — в искусство.

Обычный сценарий (пустое переживание): Вы бросаете пакетик в кружку, заливаете кипятком из чайника, который закипел пять минут назад, машинально болтаете ложкой (три круга по часовой, два против), делаете глоток, обжигаетесь, ругаетесь и продолжаете листать ленту соцсетей. Это не искусство. Это даже не опыт. Это биотопливо, как бензин для машины.

Сценарий второй (полный опыт):

А теперь представьте, что вы останавливаетесь. Всего на три минуты. Вы перестаёте быть роботом и становитесь автором.

Вы смотрите на то, как вода в чайнике нагревается — и слышите тот самый волшебный момент, когда предшествующая кипению тишина переходит в тревожный, нарастающий шум. Вы чувствуете пар, который щекочет лицо, когда наклоняетесь к чашке. Вы засыпаете заварку (заварку, а не

пыль из пакетика) и ждёте не по инструкции на пачке, а ровно столько, сколько нужно, чтобы аромат созрел. Вы подносите чашку к губам и делаете первый глоток не на бегу, а в ту самую секунду, когда температура и вкус сошлись в идеальном балансе.

А потом вы ставите чашку, откидываетесь на спинку стула и выдыхаете.

Вот это, по Дьюи, и есть *an experience*. Маленькое завершённое событие. У него есть ритм (ожидание — нарастание — пик — спад), кульминация (момент первого глотка, когда весь мир замирает) и разрешение (выдох и безмолвная фраза «да, хорошо-то как»).

Обратите внимание: я ничего не сказала про дорогой фарфор из лимитированной коллекции. Я ничего не сказала про японскую чайную церемонию, которую учатся годами. Я не сказала про редкий сорт чая, который возят из-за моря. Это работает с самым простым пакетиком, если вы *присутствуете*. Внимание — это лучший столовый сервиз, и он всегда с вами.

Главное возражение (его мы услышим обязательно)

«Это всё прекрасно, — скажете вы, отпив уже остывший чай, — но если я каждое действие буду превращать в искусство, я сойду с ума. Это же колоссальное напряжение! Я устану. Я не смогу жить в режиме постоянного театра».

И вы будете совершенно правы. Поэтому — стоп. Никто не просит вас жить в режиме перманентного творческого экстаза. Это было бы смешно и нелепо. Достаточно одного-двух действий в день. Выбираете то, что вам откликается. Кто-то получает полный опыт, начищая обувь до зеркального блеска, как рыцарь перед турниром. Кто-то — раскладывая бельё по цветам радуги, превращая скучную рутину в цветовую терапию. Кто-то — просто открывая окно и слушая улицу целую минуту, прежде чем нырнуть в цифровой шум.

Эстетика повседневности — это не новая обязанность. Это не ещё один пункт в вашем to-do листе. Это *разрешение*. Это ключ, который вы можете повернуть, когда захотите. А можете не поворачивать. Просто знать, что он у вас есть. Просто знать, что дверь в искусство открывается изнутри.

Ещё одно возражение (более тонкое, для снобов)

«Но это же не искусство, — скажут самые строгие, поправляя очки. — Это просто внимательность. Медитация. Психология. Где здесь живопись? Где скульптура?»

Я понимаю, почему так кажется. Но разница есть, и она колоссальная. Медитация часто учит сбрасывать ощущения, растворять границы, не цепляться. Эстетика Дьюи — наоборот — учит строить *форму*. Вы не растворяетесь в чае, вы создаёте маленький спектакль с завязкой, кульминацией и развязкой. Там есть драматургия. Там есть автор — вы. И в этом смысле заварить чай, как событие, ничем не отличается от того, чтобы написать короткий рассказ. Только материал другой.

Что вы уносите с собой (запомните, это главное)

Я не хочу, чтобы вы запоминали термины. Запомните лучше одну фразу, которая, как ключ, отпирает любые двери:

Искусство начинается там, где заканчивается автоматизм.

Красота — это не свойство вещи. Никогда им не была. Дорогая сумка может быть уродливой, если она висит в пустоте, и никто её не носит. Дешёвая кружка может быть прекрасной, если вы держите её обеими руками в холодное утро, и она согревает вам ладони. Красота — это событие вашего внимания. Вы не ждёте, пока музей подарит вам эстетику. Вы производите её сами. Прямо сейчас. Прямо там, где вы сидите, с этим телефоном или книгой в руках.

Послесловие (вместо прощания)

Я знаю, как устроен современный день. Он вырывает куски внимания, как птица выклёвывает крошки. Он учит нас экономить на всём, в том числе на красоте, потому что «время — деньги». И очень легко поддаться чувству, что для эстетики «нет места» и «нет сил».

Но вот что я хочу, чтобы вы запомнили, когда закроете эту главу.

Та чашка чая, которую вы выпили с вниманием — не пропала зря. Она не «отняла» у вас три минуты. Она сделала то, что не умеет делать ни один музей в мире: она вписала красоту прямо в середину обычного вторника. Она превратила серую рутину в личное, маленькое, но такое важное произведение искусства.

Идём дальше. В следующей главе мы поговорим о том, как эта эстетика работает в пространстве — от вашей прихожей до офисного кресла. А пока — идите и заварите чай. По-настоящему. Я подожду.

Резюме для тех, кто делает заметки на полях

Три идеи, которые мы выносим из этой главы:

1. Искусство — это не музей, это качество внимания. Вещь становится искусством не тогда, когда её помещают в раму, а когда мы вступаем с ней в диалог. Искусство — это событие, происходящее между вами и миром.

2. Рутинa и ритуал — это выбор. Автоматическое действие (пустое переживание) убивает день. Осознанное действие (полный опыт, *an experience*) создаёт форму, ритм и смысл. У вас есть право выбирать, где вы будете автором, а где — статистом.

3. Эстетика не требует затрат. Самый дорогой предмет не гарантирует красоты. Самая простая вещь может быть прекрасной, если вы относитесь к ней с присутствием. Внимание — это главная валюта эстетики, и она всегда у вас в кармане.

Переходите на следующую главу. Возьмите с собой любимую кружку и мысль о том, что даже ваш собственный дом — это ненаписанная книга, которую мы будем читать вместе.

Глава 2. Пять принципов Джона Дьюи в деле: от заваривания чая до презентации в офисе

Куда исчезает «знаю»

Помните, как мы закончили прошлый раз? Вы ушли с мыслью, которая, надеюсь, засела где-то под рёбрами: *«Искусство начинается там, где заканчивается автоматизм»*. Может быть, вы даже отложили книгу и попробовали замедлиться с чашкой чая. Возникло то самое тёплое «ага, я здесь, и мне хорошо».

А потом наступил понедельник.

И весь этот эстетический настрой разбился о будильник, который звонит на пять минут раньше, чем вы готовы проснуться. О кучу носков, которые упорно отказываются лежать ровно. О презентацию, которую нужно доделать за пятнадцать минут до начала, потому что вчера вы честно пытались смотреть сериал и отдыхать. И о знакомое, липкое чувство, что на всё прекрасное просто *нет времени*.

И вы, возможно, подумали: «Я *знаю*, что надо быть внимательным. Я даже согласен с этой философией. Но как перейти от „знаю“ к „делаю“ без надрыва, без самопринуждения, без чувства, что я опять что-то должен? Как сделать это... ну, само собой?»

Это ровно то, о чём наш сегодняшний разговор.

Потому что знать — мало. Знание — это пассивный багаж, который пылится на антресолях сознания. Нужны инструменты. Нужны пять маленьких ключей, которые вы сможете повернуть не глядя, в любой ситуации: дома, в офисе, даже в парке по дороге на обед. Джон Дьюи, человек на редкость практичный для философа, эти ключи оставил. Правда, в его главном труде они разбросаны по разным главам и завёрнуты в плотную академическую упаковку. Мы их оттуда достанем, отряхнём от пыли терминов и поговорим простым, человеческим языком.

Принцип первый. Органическое единство: когда всё ладно

Давайте сразу на примере, без предисловий.

Вы завариваете чай. Берёте любимую кружку — тёплую, цвета утренней глины, с шершавой поверхностью, к которой приятно прикасаться. Кладёте рядом печенье в яркой, ядовито-синей обёртке, которая кричит о своём промышленном происхождении. Ставите всё это на стол, где осталось липкое пятно от вчерашнего варенья. И так пьёте.

Чувствуете лёгкое «что-то не так»? Не раздражение даже, а такую фоновую неловкость, будто вы надели левый ботинок на правую ногу. Глаз спотыкается. Вкус вроде бы нормальный, но что-то мешает. Эстетика рассыпается, как картонный домик.

Органическое единство — это когда всё, что участвует в действии, находится в согласии. Не в одинаковости — скука хуже хаоса. А в диалоге. Тёплое с тёплым. Хрупкое с хрупким. Шершавое с шершавым. Или нарочитый контраст, но такой, который вы выбрали сознательно, а не просто потому, что «так получилось».

Чайный кейс:

Кружка, печенье, салфетка, стол. Они не обязаны быть одного цвета — боже упаси. Но если кружка глиняная и матовая, а стол деревянный и тёплый — они дружат. Они говорят на одном языке, языке природы и рукотворного тепла. Если печенье лежит в крафтовой бумаге, а не в синем пластике — ещё лучше. Всё складывается в картину, которую не нужно объяснять. Вы просто *чувствуете*, что здесь всё правильно.

Офисный кейс (этот многих удивит):

Презентация. Органическое единство — это когда шрифт, отступы, графики и ваш голос звучат как единая партитура. Если слайды строгие, чёрно-белые, с выверенной геометрией, а вы хихикаете и перескакиваете с темы на тему — диссонанс. Если слайды детские, с яркими картинками, а графики серьёзные и научные — разрыв. Слушатели это чувствуют кожей, даже если не могут объяснить словами. Они начинают беспокоиться: «Что-то здесь не так, но я не пойму, что». И доверие теряется.

Запомните: эстетика начинается с дружбы между вещами. Если они ссорятся — вы это почувствуете спиной. И это нормально. Это ваш внутренний радар, который подсказывает: «Поправь что-то, чтобы стало ладно».

Принцип второй. Кульминация: точка, ради которой всё

В любом хорошем переживании есть пик. Момент, когда вы внутренне выдыхаете: «Ах, вот оно, ради этого я и старался». В песне это припев, который вы ждёте от первого аккорда. В кино — сцена, после которой вы не можете отойти от экрана. В чае — первый глоток, когда аромат и температура сошлись в идеальной точке. В уборке — секунда, когда вы выпрямляетесь, оглядываете комнату и видите: всё готово.

Беда нашей повседневности в том, что мы чаще всего не ставим кульминаций. Мы начинаем действие, оно как-то тянется, потом мы отвлекаемся на телефон, потом забываем, зачем вообще встали, а потом вдруг оказывается, что чай уже остыл, уборка заброшена на середине, а презентация — просто набор слайдов без нервного центра. Опыт утекает, как вода сквозь пальцы. Он не оставляет следа.

Кульминация в быту:

Вы раскладываете бельё в шкафу. Рутинная, которую мы ненавидим. А теперь: после того как последний свитер лёг на своё место, вы *не* закрываете дверцу и не убегаете на кухню за кофе. Вы останавливаетесь. На секунду смотрите на

ровные стопки. Проводите рукой по краю полки. И говорите себе (да, вслух или мысленно — не важно): «Так. Готово». Вот эта точка «готово» и есть кульминация. Маленький, но честный триумф.

Офисный кейс (важнейший для любого, кто выступает):

Презентация без кульминации — это убийство внимания. Люди листают слайды, не зная, на чём задержать взгляд. Они вежливо кивают, но внутри уже в отпуске. Кульминация — это один слайд, одна пауза, одна фраза, которую вы подсвечиваете интонацией и тишиной. «А теперь — самое главное». После этих слов даже тот, кто проверял почту под столом, поднимает голову. Потому что вы дали ему знать: внимание, сейчас будет соль.

Запомните: без кульминации опыт похож на анекдот без смысла. Вы дошли до конца и спросили: «И что?» И никто не смеётся.

Принцип третий. Напряжение и разрешение: где прячется радость

Это один из самых запоминающихся принципов, потому что он переворачивает наше привычное мышление. Мы привыкли думать, что красота — это покой и гладкость. Дьюи говорит ровно обратное: если всё идёт гладко, как по маслу, искусство не рождается. Рождается скука, зевота и чувство, что ты — робот. А вот когда появляется маленькая поломка, маленький хаос, маленькое «чёрт, как же это сделать», и вы находите выход — вот тогда и возникает то самое эстетическое переживание. Радость творчества.

Пример неправильный (напряжения нет):

Разложить носки по цветам. Серый к серому, чёрный к чёрному, белый к белому. Скука смертная. Это не искусство, это инвентаризация. Глаз не за что зацепиться, мозг зевает.

Пример правильный (напряжение есть):

Вы открываете ящик, и носки не помещаются. Они выпадают, перепутаны, один потерял пару, ящик не закрывается, и вам приходится придерживать его коленом, чтобы всё не вывалилось окончательно. Напряжение! Вы начинае-

те злиться на этот дурацкий ящик и на свою жизнь. А потом вдруг думаете: «А что, если...» И придумываете: свернуть каждый носок трубочкой, поставить их вертикально, как книжки на полке. Или сделать из картона перегородки, как в винном погребе. Или — да что угодно, лишь бы работало. И когда ящик наконец закрывается ровно и без скрипа — наступает разрешение. И вы чувствуете маленькую, почти детскую радость: «Я сделал это! Я придумал, как победить этот хаос!»»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.